

*Али,
помню, помню...*

ВАЖНО

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ТОГО, ЧТО Я НЕ ДОЛЖНА ЗАБЫВАТЬ (НА СЛУЧАЙ, ЕСЛИ ЭТОТ КОЗЕЛ МЕМНОН ОПЯТЬ СВИНТИТ С МОЕЙ ПАМЯТЬЮ)

Я Селена Бауэрс. Мне двадцать лет. Мои родители — Оливия и Бенджамин Бауэрсы. Моя лучшая подруга — Сибил Андалусия. Я поступила в Ковен Белены. (Наконец-то!) Несмотря на нежелание Ковена меня принимать (им не нравилось, что моя магия пожирает мои воспоминания), они все-таки сделали это, узнав, что я посадила самолет среди тропических лесов Амазонки. Это длинная история. Единственное, что в ней действительно важно, так это что: 1) именно там я нашла своего фамильяра, Нерона. Он раздражительная пантера, которая следует за тобой тенью. Да, таким уж он уродился. Не держи на него зла. В глубине души он хороший мальчик. И 2) я... разбудила одного чувака.

Ладно, он не просто какой-то там чувак. Он тот еще развратник. И ублюдок. Мемнон Проклятый, двухтысячелетний колдун, который твердо уверен, что я его давно почившая жена, которая двадцать веков назад запихнула его в затхлую гробницу и заставила проспать все это время. Да-да, по истории (чего никто не ожидал) я его покойная супруга. (Извини, если ты сейчас снова это узнала. Прими мои искренние соболезнования.)

Мемнон и я — ну-ка возьми себя в руки, стой и не падай — родственные души, которым с рождения суждено быть вместе, потому что в тот день, когда принималось это решение, судьба была пьяна в стельку.

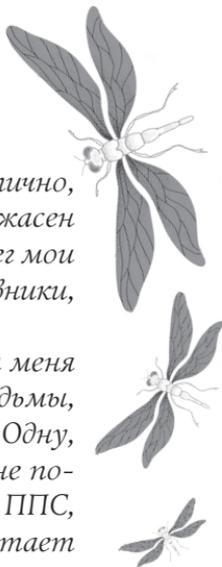
Так, пока ты не начала думать, как это романтично, прими, пожалуйста, во внимание, что Мемнон ужасен и безжалостен и что он ненавидит меня. Он сжег мои дневники — да-да, именно сжег, и именно дневники, хранившие мои воспоминания.

Еще этот колдун подстроил все так, чтобы меня обвинили в серии убийств. Жертвами стали ведьмы, некоторые были моими сестрами по Ковену. Одну, Шарлотту Ивенсен, я знала. (Нам с Нероном не повезло обнаружить ее тело.) Я невиновна, но ППС, Полиция сверхъестественных сил, теперь считает меня буйным серийным убийцей. Однако, несмотря на соответствующую внешность, Мемнон тоже не убийца. Настоящий убийца все еще на свободе. Тела его жертв изувечены и пропитаны темной магией. Кто бы ни совершил эти преступления, он истинное зло.

Оборотни Стаи Марин назвали меня другим стаи, они хотят помочь доказать мою невиновность. Если Когда мое имя будет очищено, нужно будет встретиться со стаей и обсудить еще один вопрос, с которым необходимо разобраться: колдовской круг, где все пошло не так.

Две недели назад, 14 октября, в ночь новолуния, я приняла участие в колдовском круге, собравшемся в туннелях гонений под Врановым общежитием (где я, собственно, обитаю), потому что я была на мели и нуждалась в деньгах.

Да, плохая идея. Верховная жрица попыталась силой связать одурманенную девочку-оборотня, Кару. Я разорвала круг до завершения заклинания, и мне удалось вытащить ее оттуда, хотя потом и разразилась жестокая магическая битва. А теперь по крайней мере одна ведьма, Кейси, пропала. Остальные, те,

кто принимал участие в колдовском круге, были в масках, так что я не знаю, кто они, но, вполне возможно, некоторые из них живут в моем доме. Значит, я ем и сплю рядом с врагами.

Мемнон помог мне разобраться с последствиями колдовского круга, и, честно признаюсь, какие-то пару секунд мне казалось, что я смогу примириться с его многочисленными проблемами. У него, как-никак, имеется ряд достоинств:

- 1) замашки плохого парня;
- 2) мускулы и татуировки;
- 3) когда не охвачен жаждой мщения, он боготворит землю, по которой я хожу;
- 4) великолепен;
- 5) когда дело доходит до... а, неважно.

К сожалению, он чуть не задушил полный зал суперов и заставил меня вспомнить прошлое, когда я прямо сказала ему, что не хочу этого. Получается, он все-таки отстой.

О, и кстати, я с ним помолвлена. Это нерушимая клятва, так что... прости.

Удачи,
целую-обнимаю,
Селена

ГЛАВА 1

Ну что, ночь чертовски удалась.

Я сижу на бетонном полу в тускло освещенной камере ППС, обхватив руками колени, сминая платье, которое надела на бал в честь Самайна.

Рассеянно пялюсь в землю. Рассеченная ладонь, чтобы снять *проклятье*, пульсирует. Но болит не только она.

Под черепом неистовствует бешеная мигрень, не имеющая себе равных. Сегодня я определенно злоупотребила магией. Но даже эта мука — не худшее.

Я едва могу дышать — из-за боли, сдавливающей грудь, и переполняющих голову воспоминаний.

Этим утром я проснулась Селеной Бауэрс, двадцатилетней ведьмой с потерей памяти, вызванной магией, а заканчиваю вечер Селеной Бауэрс, двадцатилетней ведьмой, обладающей двумя полными комплектами воспоминаний — одним из этой жизни и другим из прошлой.

Накатывает волна тошноты, отчасти из-за мигрени, отчасти от огромного количества образов минувшего,

засунутых в мой мозг. Все они требуют моего внимания. Все, но особенно — странные, чужие, *старые*.

Сейчас я сосредоточена на той, другой жизни, жизни Роксиланы.

Моей жизни, поправляю себя. *Моей первой* жизни.

Она разворачивается перед внутренним взором, как какой-то кошмарный фильм. Бои, смерти, отчаянные попытки выжить.

Самая сладкая, самая прекрасная часть той жизни — Мемнон, этот невыносимый ублюдок. Как же это мерзко, что сегодня, после, пожалуй, самого худшего вечера в моей жизни, когда я должна ненавидеть этого гнусного колдуна, голова наполнена воспоминаниями о его прикосновениях, о его шепоте, о его клятвах в вечной любви, о его откровенном *магнетизме*. Меня снова и снова влекло к нему, когда я была Роксиланой, и, проклятье, меня тянет к нему даже сейчас.

В той, древней жизни он сражался за меня и безумно меня любил. Он пересек всю Европу, чтобы найти меня и сделать своей царицей. И стал одним из самых могущественных, одним из самых чудовищных людей древнего мира, чтобы исполнялись мои заветные желания. Наша любовь была так прекрасно остра, что граничила с болью.

Пока все не рухнуло.

А рухнуло все столь же феерично, как и возводилось.

Вдалеке скрипит, открываясь, железная дверь, и посторонний звук рассеивает мои мысли.

Поднимаю голову, полагая, что меня сейчас будут допрашивать. А я жутко устала. Не думаю, что у меня хватит сил доказать свою невиновность, хотя возвращенные воспоминания с легкостью это позволят.

Слышу, как офицер негромко переговаривается с дежурным. Потом звучат шаги. Шаги двух пар ног,

приближающиеся к моей камере. Одни я узнала бы где угодно — уверенные, тяжелые, от которых у меня по спине бегут мурашки. Мигом позже я вижу за решеткой камеры извивающуюся ленту магии цвета индиго.

Мемнон.

Терзающая боль усиливается. И все же после того, что он сделал сегодня, моя злость не уступает боли. Мигрень приглушает ее, но и ярость обжигающая.

Магия Мемнона добирается до железных прутьев, но вместо того чтобы проскользнуть в камеру, шипит, будто наткнувшись на что-то, и откатывается назад в клубах голубого дыма.

— Это нейтрализующие камеры, — объясняет мужской голос. — Никакая магия не проникнет ни внутрь, ни наружу. Они зачарованы таким образом, чтобы заключенные не могли использовать свою силу.

Заключенные вроде меня, по-видимому.

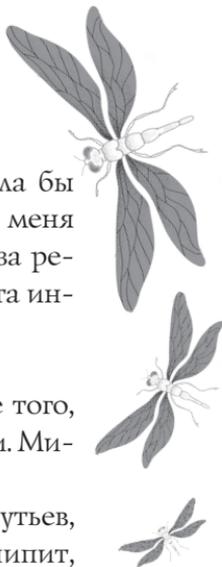
— И вы подвергли такому мою нареченную? — голос Мемнона так и сочится угрозой. А у меня в животе все переворачивается. «Нареченная». Даже «заключенная» нравилось мне больше.

— Заверяю вас, для ее ареста имелись все основания...

— Она была задержана по ложному обвинению, — перебивает охранника Мемнон. Тон его резок, как клинок. — Я ожидаю, что ваш департамент немедленно это исправит.

Какая чертова *наглость* — требовать чего-то от ППС, когда вообще-то именно Мемнон отправил меня сюда.

Его тяжелые зловеющие шаги замирают прямо перед моей камерой. Пускай решетка и подавляет магию,

я чувствую присутствие колдуна, чувствую исходящую от него пульсирующую силу.

Именно из-за его ошеломительной мощи я и попала в эту передрагу. Магия колдунов пожирает их совесть — чем они могущественнее, тем бессердечнее. А моя родственная душа, моя половинка... он не просто силен. Он непомерно могущественен. И совершенно безжалостен.

— *Est amage.*

Не реагирую. Я слишком устала, чтобы реагировать.

Офицер отпирает камеру. Дверь дребезжит, распахиваясь.

— Мисс Бауэрс, похоже, наш департамент допустил ошибку с вашим арестом, — бесстрастно говорит офицер. — Пожалуйста, примите наши извинения. Вы свободны и можете идти.

Он отступает в сторону.

Я глубоко — и обреченно — вздыхаю. Мне не нравится сидеть в этой холодной сырой клетке, где моя сила подавлена, но я также не горю желанием бросаться в объятия моей мстительной родственной души.

— Дуешься? Как это на тебя не похоже, моя нареченная.

Проклятое слово. От него у меня еще сильнее стучит в висках.

Поднимаю голову, устремляя взгляд на шлакобетонную стену.

— Я не хочу уходить с ним, — обращаюсь к офицеру.

Чувствую, как тот переводит взгляд с меня на Мемнона и обратно.

— Мисс, — произносит он наконец, — вы не...

Фраза обрывается на полуслове.

— Эй! — кричит другой дежурный. — Что вы себе позво...

Его голос тоже резко смолкает, и мигом позже я слышу глухой удар тела о землю.

Все-таки обернувшись, я вижу, как моя родственная душа держит за шкуру первого офицера. Веки несчастного трепещут, и я с ледящей душу ясностью понимаю, что Мемнон влез ему в голову, меняя еще одно сознание. Сегодня он уже проделал это с целой кучей моих сокурсников — после того как чуть не убил их.

Когда Мемнон отпускает наконец офицера, тот спокойно идет туда, откуда пришел, не удосуживаясь даже взглянуть на нас. И не останавливается, чтобы проверить дежурного, лежащего на полу.

Я остаюсь наедине с колдуном.

И по-прежнему избегаю встречаться с ним взглядом.

— Я не пойду с тобой, — выплевываю.

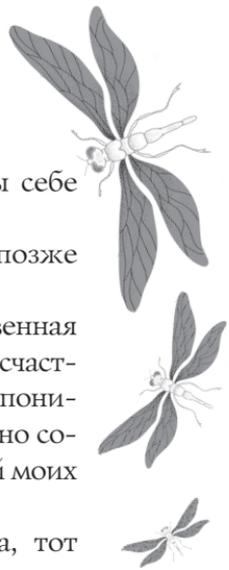
— А я не даю тебе выбора, — отмахивается он.

И делает шаг в камеру. И еще один, и еще. Не задумываясь вскакиваю — и сразу жалею об этом. Резкое движение пробуждает боль, и я чуть не падаю под ее натиском.

Мемнон с проклятьем сокращает расстояние между нами и подхватывает меня.

Только теперь, оказавшись в его объятьях, я смотрю на свою родственную душу.

Смотрю, упиваясь его бронзовой кожей, черными волнистыми волосами, завораживающими глазами, темно-кариими по краям и светлыми, как бурбон, у зрачков. Прошло всего несколько часов с тех пор, как я видела его в последний раз, но мой взгляд жадно блуждает по чуть крючковатому носу, полным чувственным губам, высоким скулам, острому подбородку,

натываясь наконец на шрам, тянущийся от нижней челюсти к левому уху и уголку левого глаза.

Я словно бы вижу призрак, и на миг старые воспоминания заслоняют новые. Я протягиваю руку, касаюсь пальцами его щеки...

Выражение лица Мемнона смягчается, и этого достаточно, чтобы наше прошлое овладело моим затуманенным разумом.

— *Est xsaya. Est Memnon*, — шепчу я. — *Vak watam singasavak*.

Мой царь. Мой Мемнон. Ты выжил.

Пугающие чувства бурлят во мне. Словно зазубренный нож режет изнутри душу. Я не пойму, что я чувствую, почему я это чувствую, но знаю, что, если бы Мемнон не держал меня, у меня подкосились бы ноги.

Находясь почти вплотную к нему, я вижу, как зрачки его расширяются. Он замирает.

— Ты помнишь, — выдыхает Мемнон почти с отчаянием.

— Конечно я помню. Ты же заставил меня вспомнить.

И тут же во мне закипает ярость. Я крепко зажмуриваюсь и слабо пытаюсь оттолкнуть его, хотя голова гудит, а желудок сводит.

— О нет, маленькая ведьма, — говорит он мягко. *Нежно.* — Я не отпущу тебя.

И он обнимает меня еще крепче и выходит из камеры.

Едва мы переступаем магический порог, отделяющий нейтрализующие клетки от коридора, сила заполняет мое тело. Ощущение такое внезапное, такое острое, что я задыхаюсь и давлюсь рвотным позывом.

В мгновение ока магия Мемнона обволакивает меня, проскальзывает в рот, в горло, унимая тошноту.

Прерывисто вздыхаю и устало прижимаюсь к груди колдуна. Рассеянно замечаю, что он сменил смокинг на черное облегающее термобелье, черные джинсы и ботинки.

— Еще что-то болит? — спрашивает он ласково. Слишком ласково.

Болит всё — голова, суставы, даже кожа. Но больше всего — сердце.

— Разве сейчас не самое время позлорадствовать? — бормочу я, пока он несет меня по пустому тюремному корпусу. — Ты победил меня по всем статьям.

Магия Мемнона тянется и открывает тяжелую железную дверь впереди.

— Я буду злорадствовать, когда моя будущая жена почувствует себя лучше.

Будущая жена.

Корчу гримасу — и морщусь, потому что пульсация в голове усиливается. *Ненавижу* нерушимые клятвы и весь этот фарс с помолвкой.

Рядом с входной дверью на полу распростерся дежурный офицер. Глаза его закрыты, грудь мерно поднимается и опускается. Мемнон на миг останавливается, присаживается рядом с ним на корточки и, удерживая меня одной рукой, кладет другую на лоб мужчины.

— Ты слишком много выпил сегодня и уснул на дежурстве, — бормочет он. — Тебе стыдно, ты никому об этом не расскажешь.

Потом Мемнон поднимается, поудобнее перехватывая меня. Если бы я чувствовала себя лучше, то непременно отпустила бы какой-нибудь едкий комментарий по этому поводу. Но, честно говоря, я слишком устала, мне слишком плохо и совсем не до того.

